

Ст. Куняев: Виктор Петрович, задумали мы материал о геологах нашей страны сделать. О том, как им приходится работать в условиях рыночной экономики. Честно говоря, это давняя моя мечта, я даже в своих воспоминаниях посвятил целую главу жизни и работе геологов в советское время. Вам дарю книгу, где есть глава о том, как я семь сезонов провёл в Средней Азии коллектором в геологической партии, начальником там был Портнягин Эрнст Александрович, геолог и поэт.

В. Орлов: Фамилия-то знакомая...

С. К.: Да, он погиб в своей последней экспедиции на Тянь-Шань. Он работал во Львовском университете, писал стихи, а я как раз военные курсы проходил во Львове в 1963 году. Мы с ним сдружились на всю жизнь, и он стал меня таскать за собой по своим геологическим маршрутам. Потом он стал членом Союза писателей, издал книгу “Камень безымянный”, к которой я написал предисловие. Где мы были? Мы работали в таджикской депрессии в золотоносных районах Кокпатас, Мурунтау. Потом в Джиргитале на границе с Киргизией. Я был у него коллектором, таскал в рюкзаках образцы породы, еду, в общем, был рабочей лошадкой несколько сезонов. Бывали мы часто в Душанбинском геологическом управлении, где нас всегда встречали радушно после полевых сезонов.

В. О.: Интересно, конечно. Значит, имеете представление о полевой геологии.

С. К.: Да, эти годы были серьёзной страницей в моей жизни, ведь геология и литература – это сёстры. Я Вам сейчас просто перечислю, какие геологи стали литераторами и в журнале “Наш современник” печатались. Мы напечатали знаменитую “Территорию” Олега Куваева. По этой повести был поставлен фильм. Один из моих друзей, а ему сейчас 85 лет, когда был молодой, не вылезал из геологических экспедиций. Сейчас это знаменитый поэт из Питера Глеб Горбовский. Знаменит в геологической среде и Александр Городицкий – автор легендарной песни “Перекаты”. Не раз бывал в Воркуте, в Инте, где познакомился с геологом и замечательным поэтом, которого Вы хорошо знаете. Это Ярослав Васильев, он жил и работал в геологическом посёлке Кожим-рудник. Там же был главным геологом интинской экспедиции золотоискатель Леонид Акимов, который за границей работал как геолог по золоту. На его вездеходе с водителем мы путешествовали по всем отдалённым геологическим точкам Северного Урала. Я хорошо знаю историю создания

“Североалмаза” — как он образовывался, как он складывался, как он отпочковывался от “Алросы”. Помню всех крупнейших геологов “Алросы”, всех руководителей “Североалмаза” — Веричева, Гриба, Фартыгина, Валуева. В Архангельск приезжал на охоту и на рыбалку, а где охота и рыбалка — там без геологов не обойдёшься. Всё это перерастало в дружеские отношения не только с геологами, но и с местными деревенскими жителями. Бывал я на Кольском в Апатитах, в Кировске. Фёдорова Сергея Геннадьевича знаю, который строил там шахты, горно-обогатительный комбинат и жилые посёлки. Вот потому я и пришёл поговорить с Вами — это не случайно. Ведь я немножко этого воздуха хлебнул с настоящими людьми, с геологами советского времени, с 70-го года. Потому мы задумали сейчас журнал ко Дню геолога сделать. Мечтаем, чтобы этот номер распространился по многим ещё существующим геологическим городкам, экспедициям, учебным заведениям. Некоторые из таких посёлков на севере Архангельской области сейчас исчезли, что прискорбно, но буровые работы продолжаются, ГОК работает, геологи стихи пишут.

Вот, я посмотрел Ваши книги и вспомнил Портнягина. Когда он приезжал сюда, он знакомил меня с такими легендарными людьми, как Пейве, Белоусов, водил меня в университет на геологический факультет к своему другу, известному геологу Книпперу.

В. О.: А Портнягин — это не тот геолог, который погиб от случайного выстрела, от одной дробинки или картечины — вошла в сердце?

С. К.: Да, именно тот. Неумелый человек держал ружьё в руках. Мы стояли у оврага, а там тропы заросшие. На одной стороне оврага наш лагерь стоял, а по другой иногда бегали кабаны. И вот шофёр вечером услышал, как шуршат кусты, и на шуршание выстрелил. А Эрик возвращался из маршрута... Да... Похоронили мы его на Хованском кладбище, до сих пор я туда приезжаю иногда. Ему хороший памятник там стоит. Известный скульптор Юрий Чернов, друг Портнягина, сделал этот памятник.

Уважаемый Виктор Петрович, вся Ваша жизнь связана с геологией. Скажите, пожалуйста, современный геолог в духовном плане как-то отличается от Ваших товарищей, формировавшихся при Советской власти? Изменения в государстве, слом советской экономики — как это повлияло на характер геолога? Сохранилась ли черта этой отрасли — быть государственниками, понимать, что копьё весь народ защищал в годы войны эти воды и недра, то так или иначе все земные сокровища должны работать на благо народа? Осталась ли у геологов забота — прилагать все силы ради открытия новых месторождений, или всем теперь правят только деньги, только личные интересы? Сохранились ли черты плановой экономики в геологоразведке?

В. О.: Ситуация, в общем, понятна. Современный геолог стал более прагматичным по сравнению с тем, каким был в советское время. Стало значительно меньше романтизма и меньше государственной ответственности. “За туманом и за запахом тайги” в поле уже не едут, а если и едут, то единицы и не более, чем на один полевой сезон. “Болеет” полем в основном старшее поколение. Изменились условия жизни, труда, быта, материального и морального вознаграждения, резко снизилась популярность, престижность, героика профессии. Раньше геолог рвался в поле, полевой опыт значил очень много в профессиональной оценке специалиста товарищами, коллективом. Эта оценка была важнее государственной и являлась частью внутренней системы коллективной самоподдержки, которая годами вырабатывалась и передавалась от поколения к поколению. Раньше задания геологам выдавало государство, оно же и принимало результаты. Геолог знал, что любое его открытие идёт на пользу государству, считайте, всем людям. За это открытие кому — орден, кому — медаль, кому — благодарность, кому — грамоту, кому — денежную премию. А это уже всенародное признание. Успех своего товарища, как правило, праздновала вся геологическая партия, вся экспедиция. Но главное было не в медали и не в премии, а в осознании своей полезности государству! А сейчас всё по-другому. Геология стала сервисной отраслью и в значительной мере растворилась в обычных отраслях, обслуживает горный бизнес. Кто даёт нам заказы? 90% геологических работ в стране выполняется по заказам бизнеса, которые геолог должен ещё найти и выиграть на конкурсе, а 10% заказывает государство, и это тоже, считайте, через конкурс. Результаты, в том числе и открытия, геолог сдаёт заказчику, то есть бизнесу в лице государственной или частной компании — не так важно.

Важно, что твоё открытие на самом деле не твоё и не государства. Ты выполнил работу, с тобой рассчитались и забыли. Ты идёшь искать следующий заказ и рад, если тебе повезёт, и ты не останешься без работы, а всё достояние от твоего открытия принадлежит добывающей компании. В положении геолога сегодня нет уверенности, стабильности, надёжности, начиная с трудоустройства, уровня зарплаты, профессионального и карьерного роста и кончая возможностью получения жилья. Раньше поощрялось желание повысить профессиональные знания, получить кандидатскую или докторскую степень, расти дальше. Для этого были все условия. Закрытой была только секретная информация, да и то не для всех. Сегодня геологи, заключая контракт, связаны обязательством не разглашать любую информацию о своей работе. Бизнес закрыл доступ ко всем геологическим материалам, а без них невозможны ни дипломные, ни научные работы, ни передача опыта, ни обсуждение новых идей, ни развитие науки. Специалисты оказались изолированными друг от друга. К тому же численно измельчали предприятия. В связи с разукрупнением коллективов в ходе приватизации потеряны традиции, многие научные и производственные школы. Произошёл большой разрыв поколений, из геологической жизни выпала сорокалетняя возрастная группа – молодежь 90-х годов.

С. К.: Что же, 10–15 лет не было живого спроса на Вашу замечательную профессию?

В. О.: Да, времена были тяжёлые. Деньги стали делаться не в поле, а в офисе, где перелопачивали и упаковывали в новые обложки материалы предшественников. Геолог перестал чувствовать заботу государства. Создаётся впечатление, что он ему уже не нужен. Возьмём пример с первооткрывательством. Раньше геолог, открывший месторождение, мог получить государственное денежное вознаграждение. Не такое уж и большое, но на вечер в ресторане с друзьями хватало. А иногда и не хватало, тогда добавляли друзья. Сегодня же можно получить первооткрывательскую премию, только если работы выполнялись на бюджетные средства. А это, как я уже сказал, всего 10 процентов от всех работ, и нацелены они не на открытие, а на подготовку поисковых участков для бизнеса. В итоге государство за последние 25 лет ничего не открывает. Обязанности государства и бизнеса перераспределились. Государство, в основном, ответственно за общегеологическое изучение территории, а за открытия и за восполнение запасов ответственен бизнес. К тому же у геолога, работающего в государственном секторе, мне даже стыдно говорить, работа за полевой сезон оплачивается ниже, чем у секретарши среднего руководителя. А он ведь пашет в поле и за себя, и за грузчика, и за маршрутного рабочего, за охранника, за всех, на ком экономит заказчик. Поэтому и не удивительно, что около 50% выпускников геологических кафедр вузов не идут в геологию. Система первооткрывательства у бизнеса закрыта. Об открытии знает только геолог и хозяин.

С. К.: А каково положение с молодым поколением геологов? Достаточно ли выпускают специалистов? Будет ли геологическая отрасль обеспечена необходимым количеством грамотных профессионалов? Не снизился ли уровень знаний студентов? Геологические вузы обеспечены ли необходимым количеством преподавателей? Нет ли попыток ликвидации учебных заведений? И ещё вопрос о трудоустройстве. Фактически Вы уже ответили, но надо думать не только о профессиональном росте, но и о будущей или уже настоящей семейной жизни. Скажите, осталась ли практика “подъёмных” денег, неукосительно соблюдавшаяся в Советском Союзе?

В. О.: Никаких “подъёмных”! 32 вуза сегодня готовят специалистов для геологии. Единственный специализированный – Московский геологоразведочный университет. Ценятся выпускники МГУ, Санкт-Петербургского горного университета, Томских вузов и ряда других. Преподаватели ещё есть, но стареют. Есть и попытки сокращения числа вузов и среднетехнических учебных заведений нашего профиля.

С. К.: Вас распределяли после окончания? Меня – распределяли. Предлагали целых три варианта – центральная Россия, Сибирь, Средняя Азия. Я выбрал Сибирь.

В. О.: Конечно, распределяли. Это давало гарантию трудоустройства, приличной зарплаты и жилья. Но ты обязан был отработать 3 года. И это не только справедливая плата за обучение, но и решение кадровой проблемы.

Сегодня уже мало у кого голова болит об этом. Молодой специалист сам должен всё себе обеспечивать. Сейчас разговор идёт о том, чтобы вернуть на государственный уровень систему распределения выпускников, обучающихся на бюджетных местах.

С. К.: Ну, конечно, это правильно, раз государство вложило средства в их образование.

В. О.: Коммерческие предприятия, бизнес тоже вкладывают деньги в обучение, обучают часть специалистов за свой счёт. Естественно, у них есть трудовой договор, в соответствии с которым выпускник, получивший диплом, должен отработать определённый срок в этой компании. А иначе должен вернуть деньги за своё обучение. В целом сегодня выпускников вроде бы достаточно. Но вопрос в качестве образования. Корпус преподавателей также поредел и потерял несколько возрастов молодых преподавателей. У преподавателей сейчас нет доступа к свежим геологическим материалам. Учим на старых данных. Раньше у студентов никогда не было проблем с производственной практикой. А геолог не может состояться без полевой практики. Я в своё время прошел четыре производственные практики, начиная с первого курса. В Томском государственном университете, где я учился, отличникам давали право досрочной сдачи экзаменов, чтобы в мае-июне они могли выехать в поле, и не наказывали, если мы возвращались на занятия не к первому сентября, а в конце октября, когда заканчивался полевой сезон.

С. К.: В те времена был значительно больший объём полевых работ.

В. О.: Это так. Но важно было познать весь цикл полевых работ от заезда до выезда. Четыре полноценных полевых сезона позволяли последовательно пройти путь от рабочего до младшего техника, потом техника, а на последнем курсе уже и до должности инженера. После таких практик достаточно было год-два работы, и ты уже готовый специалист, старший, а то и главный геолог. К тому же и зарплата за время практик позволяла безбедно жить в студенчестве. Сегодня же проблема трудоустроить студента на практику! И даже если его возьмут – проблема в материалах, которые в каждой компании конфиденциальные. Ничего нельзя называть своим именем – ни месторождение, ни запасы, ни экономические показатели. Я и мои коллеги являемся в вузах председателями аттестационных комиссий и видим, на каком скудном материале защищаются дипломники. Им требуется, как минимум, пять, а то и десять лет, чтобы после получения диплома стать инженерами. Причём при опытном руководителе. А это возможно только в тех коллективах, где сформировались опытные кадры. Такие коллективы есть, особенно в крупных добывающих компаниях. В них и наука поддерживается. Естественно, она не охватывает все геологические проблемы, а решает только те вопросы, которые необходимы компании. А вот обобщающие работы, которые традиционно выполняла отраслевая наука, фактически заброшены. Денег на это государство не выделяет.

С. К.: Да, это очень важно. Эрнст Портнягин, мы с ним в одной палатке жили, мог после маршрута целые лекции по геологии прочитать. Фауна, флора, в какой эпохе образовались и всё прочее. Вплоть до того, что такое геологические разломы, как и куда движутся материи.

В. О.: Раньше у нас работало в отрасли около 3 тысяч кандидатов наук и около 700 докторов наук, а сегодня если найдётся 400-500 человек, имеющих учёную степень, то и это уже хорошо. Сегодня особо не поощряется обучение в аспирантуре, нет той тяги к познанию и среди молодёжи. От научных институтов фактически сохранились только названия, а научных тем давно уже нет. Люди в них работают от заказа до заказа, от гранта до гранта. Сложно стало, особенно старшему поколению, которое выросло в одной стабильной информационной системе и тяжело адаптируется в среде, где отсутствует подпитка новыми материалами как по России, так и по другим странам мира.

С. К.: Вот об этом я тоже хотел расспросить. Многие мои друзья-геологи были востребованы в своё время в разных зарубежных странах. Престиж советской геологии был очень высок. А что сейчас? Есть ли спрос на наших геологов за рубежом?

В. О.: Сейчас и это поставлено на частную основу, а наши специалисты и геологические организации сами ищут работу за рубежом. Раньше была государственная система технического содействия Советского Союза раз-

визающимся странам, в том числе и в сфере геологии. Поэтому много работ делалось за наши же деньги и нашими же специалистами, одновременно на широкий поток в вузах была поставлена подготовка зарубежных специалистов. И сейчас в Московском геологоразведочном университете учатся студенты из 30 стран. Мы работали более чем в 60 странах мира и много чего открыли. Все работы организовывались объединением “Зарубежгеология”. Это была единственная организация, которая формировала геологические экспедиции, подбирала специалистов и направляла их по контрактам в разные страны. Сегодня всё по-другому. В России отсутствует какая-либо системная работа даже не по организации, а хотя бы по координации и учету геологоразведочных работ, выполняемых нашими геологами за рубежом. А такие работы проводятся, но в частном порядке. По моим данным, как минимум, в 30 странах.

С. К.: Затронем попутно ещё одну тему по экспорту. Когда я несколько лет назад был на Кольском, в Апатитах, мне представилась такая картина: нам своих удобрений не хватает, а значительный процент их мы продаём за рубеж. Разумно ли это?

В. О.: 80% и более идёт за рубеж, а наши земли истощаются и не восполняются внесением органических и минеральных удобрений.

С. К.: Государство здесь может вмешаться, чтобы исправить такое ненормальное положение?

В. О.: Приказать государство не может. Оно может только создавать условия для разворота экспортного потока на внутренний рынок. Ежегодно выделяются дотации сельскому хозяйству на закупку минеральных удобрений, но этого не хватает. Сами сельхозпроизводители должны пополнять свой фонд удобрений, но у них денег нет.

С. К.: Правда, и в советское время были свои недостатки. Я вот как журналист ездил по полям и видел груды бесхозных мешков с удобрениями, которые под дождём растворялись... Что было дешево и бесплатно, то не берегли. Но есть, Виктор Петрович, ещё один вопрос. Доходы бюджета России во многом обеспечиваются за счёт добычи газа и нефти. А каково положение дел с другими полезными ископаемыми, хватает ли их? Слезаем ли мы потихонечку с нефтяной и газовой “иглы”?

В. О.: Доходы федерального бюджета недавно ещё формировались на 50% за счёт добычи полезных ископаемых, сейчас – на 40% с небольшим. Нужно понимать, что высокая доходность и ведущая роль этого сектора экономики будет сохраняться ещё несколько десятилетий. К сожалению, мы не видим серьёзных подвижек в опережающем развитии других, более высокотехнологичных отраслей. Все эти лозунги о модернизации и импортозамещении остаются на бумаге. А фактически мало что делается. Нам необходим второй виток индустриализации страны. За счёт нефти и металлов Россия выжила и не распалась в 90-е годы. Мы, геологи, пока не видим альтернативы сырьевым отраслям. Поэтому и озабочены состоянием сырьевой базы. Запасов в наших недрах пока достаточно, но ход подготовки новых запасов нас не устраивает. Их качество ухудшается. И это закономерно. Открываются в основном мелкие месторождения, с меньшим содержанием полезного компонента в руде, к тому же и залегающие значительно глубже, а значит, и более дорогие в разработке.

С. К.: Работы идут на пределе технических возможностей?

В. О.: Стоимостная отдача инвестиций снижается. Технический прогресс не успевает компенсировать ухудшение природных условий залегания полезных ископаемых. В 70-е годы прошлого века мы открывали по 50 месторождений нефти и газа в год. Примерно столько же открываем и сегодня. Но раньше открытое месторождение содержало около 50 миллионов тонн продукта, а сегодня – 1,5–2 миллиона тонн. Вот вам и новое качество сырьевой базы! Промышленность пока обеспечивается за счёт эксплуатации крупных месторождений, открытых ранее, а восполнение запасов идёт за счёт средних и мелких. Только этих средних и мелких надо открывать на порядок больше, а значит, наращивать объёмы геологоразведки как бизнесу, так и государству. Конечно, у нас огромная территория – 1/7 часть земной суши и четвертая часть мирового шельфа, есть абсолютно все виды полезных ископаемых. Много площадей недоизучено. А главное – есть пока люди. Этот совокупный потенциал надо разумно использовать. Поэтому мы прогнозируем лет на 50 вперёд полное обеспечение промышленности сырьём, но при определённых

условиях. В геологическом измерении 50 лет – это мгновение. Надо смотреть дальше, такова уж наша профессия.

С. К.: В общественном совете нашего журнала активно работает Вячеслав Анатольевич Штыров, член Совета Федерации России, руководитель компании “Алроса” в недавнем прошлом.

В. О.: Мы с ним хорошо знакомы, в том числе и как с успешным руководителем крупнейшего сырьевого региона России – Республики Саха-Якутия.

С. К.: В лихие и грабительские 90-е годы он не допустил приватизации “Алросы”. Один из авторов нашего журнала Вячеслав Щепоткин пишет работу, посвящённую судьбе алмазной промышленности. Но в последнее время я слышал из уст авторитетных руководителей, что “Алроса” будет всё-таки приватизирована. Что, от этого повысится эффективность работы компании?

В. О.: Я знаю Вячеслава Щепоткина по работе в Совете Федерации. Он мне дарил Ваш журнал со своими публикациями. Думаю, что он поднимет эту тему. А что касается “Алросы”, то информация была о продаже части акций компании. Контроль должен остаться за государством. Скорее всего, так и будет. Частник не более эффективен, чем государство. Важен уровень профессионализма менеджмента. Результаты мало зависят от формы собственности, в большей степени они обусловлены применяемыми технологиями и системой организации производства. По большому счёту, для нас с Вами частные и государственные компании ничем друг от друга не отличаются. Закон един для всех, в том числе по налогам, трудовым и социальным отношениям. А спортивные клубы содержат и те, и другие компании. Сочи, например, всем миром к Олимпийским играм строили – и государственные, и частные компании. Главное – не лишиться национального контроля над отраслями промышленности и важнейшими компаниями, к числу которых относится алмазная отрасль и её флагман – компания “Алроса”.

С. К.: Напоследок хотелось Вас спросить: с какого времени начинается наша геология?

В. О.: С каменного века и далее. Нужно было искать подходящие камни, из которых изготавливали наконечники стрел, ножи, скребки, топоры. Потом металлы – бронзовый век, железный век. Поиски золота имеют самую древнюю историю. Первый орган государственного управления геологией в России был создан указом Петра I в 1700 году. Он сначала назвал его Приказом рудосыскных дел, а потом переименовал в Приказ рудокопных дел при дворе финансов, то есть при министерстве финансов.

С. К.: Главные предприятия геологии возникли на Урале?

В. О.: Нет, но на Урале был большой разворот работ в связи с производством оружия – пушек, ядер и прочего, а основные геологические силы концентрировались в Петербурге. А 135 лет назад, в 1882 году император Александр III своим указом создал геологический комитет России, который сохранился и после 1917 года, неоднократно преобразовывался, дорос до Министерства геологии, снова стал геологическим комитетом в 1992 году, а теперь вот растворился в федеральном агентстве по недропользованию. Так что официально в названиях органов государственного управления современной России слово “геология” отсутствует. Считайте, мы вернулись в Петровское время, поскольку рудокопное дело более чем 300-летней давности – это и есть современное недропользование. Грустно, если не сказать больше.

С. К.: Сейчас, слава Богу, возродилась государственная практика, когда президент награждает молодых учёных. Уже несколько раз проходили эти церемонии. Есть ли среди них геологи?

В. О.: Пока нет... К сожалению, за открытия сегодня почти не награждают. В почёте артисты, деятели культуры, военные...

С. К.: А Вы помните, кто открыл кимберлитовые трубки? Помню, мой друг Валерий Осипов писал сценарий об этом. Фильм назывался “Неотправленное письмо”. Там ещё Самойлова играла. А какая реально женщина была первооткрывательницей? Кажется, её звали Лариса Попугаева?

В. О.: Да, конечно. Но много людей к этому примазалось потом. Пришлось достаточно долго бороться, чтобы её признали первооткрывателем. Памятник ей поставили. Отдали должное человеку, который нашёл первые алмазы.

С. К.: А понятие геологической экспедиции существует сейчас?

В. О.: Нет. Сейчас есть предприятия.

С. К.: А экспедиция – это была такая обработанная производственная структура в геологии?

В. О.: Да. Иерархия организации производства была следующей: отряд, партия, экспедиция, объединение. Потом на базе партий и экспедиций были сформированы предприятия в форме акционерных обществ или государственных предприятий.

С. К.: В Архангельске много моих друзей занимались этими проблемами. Многие стали крупными чиновниками. Многие ушли на пенсию. Замечательные были 70-80-е годы! И о многом из того, что Вы сейчас сказали, мне говорили тогда. О примазавшихся. Вы сами испытали это?

В. О.: Пришлось. В конце 80-х был вычеркнут из числа претендентов на звание лауреата Государственной премии СССР в области науки и техники, поскольку являлся генеральным директором крупного геологического объединения. Было сказано: “О, ещё и генеральные директора примазываются!” А тему эту я начал, будучи ещё старшим геологом и кандидатом наук, готовя по ней докторскую диссертацию. Но по масштабам она переросла докторскую. Мы решили представить работу на госпремию, естественно, под моим руководством. Для себя решил не торопиться с защитой диссертации, так как успех по госпремии гарантировал и успешную защиту докторской. Список претендентов, включая и рабочих, а такие тогда были условия, формировал сам. В итоге премия была присуждена всем, кроме автора и руководителя работы. А защищая докторскую не стал из принципа. Сменил тему, погрузился в сферу управления и через три года стал доктором, но не геологических, а экономических наук.

С. К.: Уважаемый Виктор Петрович! В заключение нашей беседы я хочу вспомнить о том, как несколько лет тому назад я встретился на Кольском полуострове с геологами, горняками и строителями горно-обогатительного комбината “Олений ручей”. После работы мы сидели у костра на берегу Варзуги, в руках у почётного горняка Российской Федерации Сергея Фёдорова была гитара, под которую он сначала исполнил гимн фосфорной компании, написанный на его слова, потом исполнил знаменитую песню на слова Ярослава Смелякова “Если я заболею – к врачам обращаться не стану”. Потом я вспомнил, что великий поэт моего поколения Николай Рубцов учился здесь, на Кольском, в городе Кировске, в горном техникуме, и прочитал несколько лучших стихотворений своего покойного друга под аплодисменты.

В ответ я услышал, что в Апатитах постоянно проходят Рубцовские чтения, что в Кировске существует небольшой музей бывшего кировчанина Венички Ерофеева, что в эти края приезжали и Даниил Гранин, и Юрий Рытхэу, а также популярные барды Юрий Визбор со Львом Куклиным...

Словом, Виктор Петрович, связь геологии и поэзии продолжается. А потому позвольте Вам подарить мои книги и наш журнал. Здесь не только моя литературная жизнь, здесь и стихи, “написанные в поле”, о лучшей части моей жизни, когда геология и поэзия сливались в единое целое!

В. О.: Спасибо большое, Станислав Юрьевич! Кировский горный техникум закончил близкий мне человек – Логинов Владимир Александрович, известный геолог Камчатки, первооткрыватель ряда месторождений, а потом губернатор Корякского автономного округа, с которым мы вместе работали пять лет. К сожалению, он рано ушёл из жизни. Но тоже был поэтом, только не литературным, а геологическим романтиком, костровым (у вечернего костра) душевным исполнителем наших песен, в том числе и песни Смелякова, с той лишь разницей, что Логинов просил, если он заболевает, подстелить ему не степь, а бескрайнюю тундру, в которой он маршрутил десятки лет в поисках богатств для государства. В поэзии, по Маяковскому, надо перелопатить “тыщи тонн словесной руды единого слова ради”. В геологии ради одного открытия надо апробировать сотни идей, пройти тысячи километров маршрутами, зажечь несчитанное число костров, на своих плечах принести людям своё открытие в виде образцов руд. Поверьте, это делается не ради зарплаты. Это одержимость, романтика, творчество, поэтическая суть нашей геологической профессии. Успехов Вам и вашему журналу. И ещё спасибо за то, что Вам близка эта тема, и Вы болеете за нашу отрасль.